

УДК 343 : 61

И.И. Карташов,*канд. юрид. наук, доцент,**доцент кафедры уголовно-процессуального права**Центрального филиала Российского государственного университета правосудия**(г. Воронеж)***В.В. Саликова***Российский государственный университет правосудия**(г. Воронеж)*

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

К СУЩНОСТИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА
В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВЫХ И МЕДИЦИНСКИХ КРИТЕРИЕВ

В статье анализируются теоретические подходы к толкованию принудительных мер медицинского характера, в связи с необходимостью определения их юридической природы в целях формирования соответствующего института уголовного и уголовно-процессуального права. Автор солидаризируется со сторонниками комплексного подхода к сущности принудительных медицинских мер, основанного на сочетании юридического и медицинского критериев. Дополнительно аргументируется обособленная цель применения указанных мер, не укладывающаяся в рамки исключительно уголовно-правового регулирования, что позволяет прийти к выводу о наличии особой формы государственного принуждения, применение которой сопряжено с отсутствием согласия лица на получение специализированной медицинской помощи.

Ключевые слова: *принудительные меры медицинского характера, меры безопасности, цели принудительного лечения, исполнение принудительных медицинских мер.*

The article analyzes the theoretical approaches to the interpretation of compulsory medical measures in connection with the need to determine their legal nature in order to form an appropriate institution of criminal and criminal procedure law. The author associates with the supporters of an integrated approach to the essence of compulsory medical measures based on a combination of legal and medical criteria. In addition, the separate purpose of the application of these measures, which does not fall within the framework of exclusively criminal law regulation, is argued. This fact allows to conclude that there is a special form of state coercion, the use of which is associated with the lack of a person's consent to receive specialized medical care.

Keywords: *compulsory medical measures, security measures, goals of compulsory treatment, enforcement of compulsory medical measures.*

Уяснение сущности и правовой природы категории «принудительные меры медицинского характера», на наш взгляд, имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку она традиционно отождествляется с усложнением уголовно-процессуальной формы производства по уголовному делу, что требует

от компетентного должностного лица принятия дополнительных мер, гарантирующих права и законные интересы лица, в отношении которого ведется соответствующее производство. В этой связи актуальным представляется высказывание В.М. Савицкого, относящееся еще к советскому периоду развития уголовно-

процессуальной науки, о том, что отсутствие упорядоченной терминологии, расплывчатость легальных формулировок того или иного понятия снижают «информативные возможности закона, отрицательно сказываются на правоприменительной практике и порождают нескончаемые и бесплодные споры в теории» [1, с. 23]. Сказанное в полной мере применимо к понятию «принудительные медицинские меры», находящемуся на стыке правовой и медицинской наук. Именно этот фактор, по мнению И.Н. Введенского, обостряет необходимость четкого легального определения пределов принудительного лечения, назначаемого, в отличие от обычной практики, «не врачом, а юристом, являясь при этом практическим мероприятием, осуществляемым в определенных жизненных ситуациях и имеющим совершенно конкретное клиническое содержание» [2, с. 5].

Анализ специальной литературы позволяет констатировать отсутствие единого подхода к пониманию сущности рассматриваемой дефиниции, несмотря на многолетние исследования данной проблемы, предпринимаемые как в медицинской, так и в юридической науке. Так, часть специалистов акцентирует внимание на отличии медицинских мер от уголовного наказания, приводя сущностные признаки последнего [3, с. 152]. При этом нивелируется их медицинское значение с усилением правовой составляющей, которая проявляется в применении судом мер государственного принуждения на основании уголовного закона в строго установленной процессуальной форме. Однако даже при такой трактовке не отрицается, что их применение с точки зрения об-

щего целеполагания направлено на улучшение психического состояния лица [4, с. 67]. Заметим, что подобный подход является отражением позиции Верховного Суда РФ, который в п. 2 Постановления Пленума от 7 апреля 2011 г. № 6 [5] разъяснил судам, что цели применения принудительных мер медицинского характера отличаются от целей применения наказания, поскольку заключаются в излечении или улучшении психического состояния лица, а также предупреждении совершения им новых, предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний. С учетом указанной позиции высшей судебной инстанции в науке уголовного права, как правило, выделяют исключительно легальные признаки принудительных мер медицинского характера, в числе которых: 1) исчерпывающий перечень названных мер, закрепленных в уголовном законе (ст. 99 УК РФ); 2) возможность их применения к ограниченному кругу лиц, а именно к лицам, совершившим общественно опасные деяния, в состоянии невменяемости; к лицам, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания; к лицам, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости; к лицам, совершившим в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости; 3) возможность назначения

принудительных медицинских мер только при условии, что психическое расстройство связано с возможностью причинения лицом иного существенно вреда либо с опасностью для себя или других лиц (ч. 2 ст. 97 УК РФ).

Иной подход, который можно обозначить как компромиссный, предполагает сочетание правового и медицинского критериев при определении сущности принудительных медицинских мер. Наряду с приведенными выше уголовно-правовыми признаками, в этом случае выделяют содержательную сторону медицинского лечения, которую формируют соответствующие медицинские манипуляции, клиническое наблюдение, диагностические и восстановительные мероприятия [6, с. 161–164]. При этом соответствующие меры именуется «медико-судебными» [7, с. 295]. Позволим себе солидаризироваться с данной позицией по следующим причинам. Во-первых, комплексный подход к моделированию дефиниции «принудительные медицинские меры» позволяет сочетать их правовую и медицинскую природу. Это важно, поскольку игнорирование последней основано, на наш взгляд, исключительно на том, что основания и порядок реализации данных мер предусмотрены действующим уголовным и уголовно-процессуальным законодательством [8, с. 124]. Однако этот неоспоримый факт не может служить причиной игнорирования содержательной стороны мероприятий, проводимых на основании принятого судебного решения. Во-вторых, достижение обозначенных в уголовном законе целей применения принудительных медицинских мер, в качестве

которых, как уже было отмечено, выступают излечение или улучшение психического состояния лица, а также предупреждение совершения им новых общественно опасных деяний, возможно только с учетом эффективности оказываемой ему медицинской помощи. В-третьих, нельзя согласиться с тем, что регламентация принудительных медицинских мер является прерогативой исключительно уголовных отраслей российского права. Например, виды психиатрической помощи и порядок ее оказания, в том числе и в рамках принудительного лечения, регламентируются разд. IV Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [9]. Общие права лиц, получающих медицинскую помощь, в том числе и психиатрическую, регламентируются значительным массивом нормативно-правовых актов в области здравоохранения [10]. Полагаем, что при конструировании дефиниции «принудительные медицинские меры» акцент необходимо делать не на отрасли права, регламентирующей их применение, а на принудительности такового, то есть отсутствии волеизъявления лица на осуществление специальных медицинских манипуляций. В рамках уголовного права соответствующие меры применяются на том основании, что лицом нарушены уголовно-правовые запреты, то есть совершено деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания, которое по состоянию здоровья к данному лицу применено быть не может. В этой связи, на наш взгляд, показательна позиция Ю.К. Якимовича, который отрицает уголовно-правовую природу рассматривае-

мых мер именно на том основании, что их применение не направлено на достижение целей уголовного закона, которые применительно к наказанию определены в ч. 2 ст. 43 УК РФ как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений [11, с. 11]. При этом уголовно-процессуальная форма реализации принудительных медицинских мер связана с серьёзностью государственного принуждения, а также необходимостью констатации в судебном решении факта совершения общественно опасного деяния лицом, в отношении которого такое применяется.

С точки зрения сущности и уголовно-правовой природы принудительных медицинских мер интерес представляет позиция В.А. Пимонова, который относит их к числу мер безопасности, поскольку, по его мнению, основной целью их применения является именно медицинская помощь лицам, совершившим общественно опасные посягательства и находящимся в опасном состоянии, обусловленном психическим расстройством. Автор не относит данные меры к числу альтернатив уголовному наказанию, поскольку они применяются «без учета наличия или отсутствия вины» [12, с. 225]. Подобный подход детализируется А.Ю. Коптяевым с учетом законодательного опыта ФРГ, Англии, Швеции и Нидерландов, где принудительные медицинские меры являются обособленным уголовно-правовым институтом и признаются последствием совершения общественно опасного деяния лицом, страдающим психическим заболеванием, что исключает

учет категории «вина» при помещении такого лица в психиатрическую больницу [13, с. 34–36]. Можно предположить, что отнесение рассматриваемой группы мер к числу обеспечивающих безопасность основано на том, что лицо, помещаемое в психиатрический стационар по судебному решению, изолируется от общества, находится под постоянным наблюдением, что лишает его возможности причинить вред как себе, так и иным лицам. Таким образом, потенциально путем применения принудительных медицинских мер обеспечивается безопасность неограниченного круга лиц. Однако с учетом специфической цели их применения, обозначенной выше, полагаем, что безопасность является лишь одним из компонентов, определяющих сущность данного вида государственного принуждения. Наличие психического расстройства, требующего лечения, в данном случае первично, поскольку общественная опасность лица вызвана именно им, то есть субсидиарна по отношению к факту наличия заболевания.

Именно такой подход, на наш взгляд, явился причиной наличия в науке уголовного процесса третьей трактовки исследуемого понятия, в основе которой лежат преимущественно медицинские критерии детерминации данного вида государственного принуждения. В частности, А.А. Хомовский, опираясь на исследования в области психиатрии, подчеркивает отсутствие у лечебных мероприятий уголовно-правовой составляющей, акцентируя внимание на том факте, что по решению суда лицу оказывается именно медицинская помощь с целью восстановления его здоровья либо купирования острого состояния в случа-

ях, не поддающихся полному излечению [14, с. 4–5]. Примечательно и то, что сторонники указанной позиции в качестве аргумента приводят отсутствие отрицательной оценки содеянного со стороны государства, что выражается в отсутствии у лица судимости, «гибкости» сроков помещения в специализированное медицинское учреждение, которые зависят от медицинских показаний, наличии возможности пересмотра судебного решения не в рамках внутрисистемного контроля, а при появлении к тому фактических оснований, в качестве которых выступают все те же медицинские критерии [15, с. 14].

Повторимся, что, разделяя приведенную выше компромиссную позицию, полагаем, что сущность принудительных медицинских мер необходимо определять, исходя из сочетания юридического и медицинского критериев. Существенным образом отличаясь от уголовного наказания, они, на наш взгляд, образуют особую форму государственного принуждения, состоящую в принудительном лечении невменяемых, а также вменяемых лиц, совершивших общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом. Детерминирующими признаками таких мер являются как правовые (возможность применения их к определенному кругу лиц, при наличии оснований и в порядке, предусмотренном уголовным и уголовно-процессуальным законодательством), так и медицинские (наличие психического заболевания, являющегося потенциально опасным как для самого лица, так и для окружающих).

В этой связи предлагаем определять принудительные меры медицинского ха-

рактера как меры государственного принуждения, применяемые в соответствии с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние, предусмотренное нормами Особенной части УК РФ, страдающих психическими расстройствами, как исключаящими, так и не исключаящими вменяемость, в целях улучшения их психического состояния, а также обеспечения их безопасности и безопасности иных лиц.

Список использованных источников

1 Савицкий В. М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии / В. М. Савицкий; под ред. А. Я. Сухарева. М. : Наука, 1987. 288 с.

2 Аменицкий Д. А. Душевнобольные правонарушители и принудительное лечение / Д. А. Аменицкий, И. Н. Введенский, М. З. Каплинский, Е. А. Лисянская [и др.]; под ред. и с предисл. П. Б. Ганнушкина. М. : Изд-во НКВД, 1929. 114 с.

3 Батанов А. Н. Иные меры уголовно-правового характера – самостоятельный институт российского уголовного законодательства? / А. Н. Батанов // Общество и право. 2011. № 5. С. 150–154.

4 Шпынова Е. В. Принудительные меры медицинского характера : теоретические и правоприменительные проблемы / Е. В. Шпынова // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4. С. 65–72.

5 О практике применения судами принудительных мер медицинского характе-

ра : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 г. № 6 (в ред. от 03.03.2015 г.) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

6 Дорогин Д. А. Обстоятельства, исключющие уголовную ответственность : правовые позиции судебных органов : монография / Д. А. Дорогин. М. : РГУП, 2017. 232 с.

7 Романовский Г. Б. Биомедицинское право в России и за рубежом : монография / Г. Б. Романовский, Н. Н. Тарусина, А. А. Мохов [и др.]. М. : Проспект, 2015. 368 с.

8 Долгополов К. А. Применение иных мер уголовно-правового характера : теоретические аспекты / К. А. Долгополов, Г. Б. Магомедов // Власть Закона. 2017. № 1. С. 117–124.

9 О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании : закон РФ от 02.07.1992 г. № 3185-1 (в ред. от 19.07.2018 г.) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

10 Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 07.03.2018 г.) // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

11 Ленский А. В. Производство по применению принудительных мер медицинского характера / А. В. Ленский, Ю. К. Якимович. М. : Юристь, 1999. 48 с.

12 Пимонов В. А. Теоретические и прикладные проблемы борьбы с общественно опасными посягательствами

средствами уголовного права / В. А. Пимонов. М. : Юрлитинформ, 2007. 336 с.

13 Коптяев А. Ю. Производство о применении принудительных мер медицинского характера : дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Коптяев. Тюмень, 2010. 196 с.

14 Хомовский А. А. Производство по применению принудительных мер медицинского характера : методическое пособие / А. А. Хомовский; науч. ред. Н. Д. Рахунов. М. : Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1974. 118 с.

15 Шагеева Р. М. Проблемы применения принудительных медицинских мер в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Р. М. Шагеева. Уфа, 2005. 238 с.